

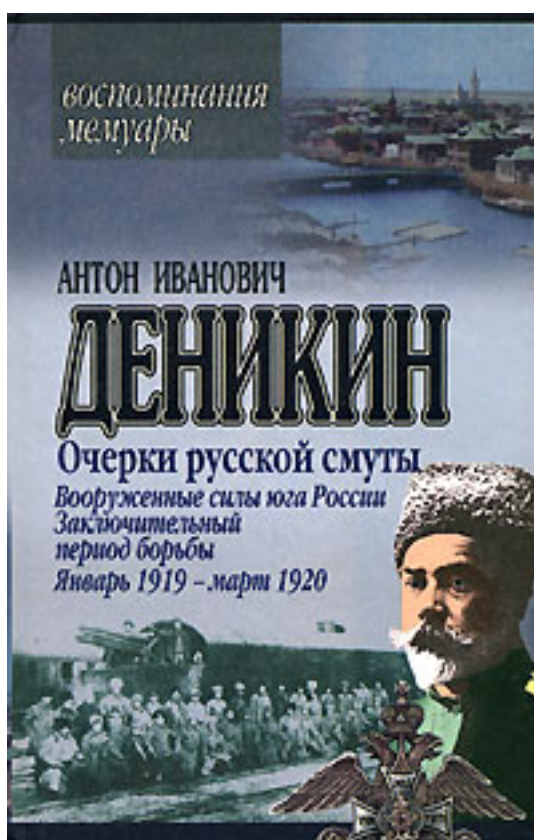
воспоминания
мемуары

АНТОН ИВАНОВИЧ

ДЕНИКИН

Очерки русской смуты

Вооруженные силы юга России
Заключительный
период борьбы
Январь 1919 – март 1920

Антон Деникин

**Очерки русской смуты. Вооруженные
силы Юга России. Октябрь 1918
г. – Январь 1919 г. (фрагменты)**

«Public Domain»

Деникин А. И.

Очерки русской смуты. Вооруженные силы Юга России. Октябрь 1918 г. – Январь 1919 г. (фрагменты) / А. И. Деникин — «Public Domain», — (Очерки русской смуты)

ISBN 978-5-425-08405-7

Автор «Очерков русской смуты» Антон Иванович Деникин (1872–1947), занимая в период с 1917 по 1920 гг. ключевые посты в русской армии, сыграл значительную роль в истории России, став одним из руководителей белого движения. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-425-08405-7

© Деникин А. И.
© Public Domain

Содержание

Дон: события на Донском фронте в конце 1918-го и в начале 1919	5
года. Борьба за единство военного командования на Юге	
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Том четвертый

Вооруженные силы Юга России

Октябрь 1918 г. – Январь 1919 г. (фрагменты)

Дон: события на Донском фронте в конце 1918-го и в начале 1919 года. Борьба за единство военного командования на Юге

Падение Германии поставило в весьма затруднительное положение Донское войско. Во второй половине ноября германские части очистили территорию области, открыв опаснейшее и кратчайшее к ее столице направление – воронежское. В то же время немцы, занимавшие Украину, объявили нейтралитет, и в «пограничных» районах Харьковской и Екатеринославской губерний появились петлюровские атаманы, ниспровергая власть гетмана, прервав снабжение Дона боевыми припасами с Украины и неизбежно подготавливая вторжение большевиков с не менее грозного направления – харьковского.

К началу ноября фронт Донской армии шел от Кантемировки на Таловую и далее, приблизительно по северной и восточной границе области, подходя к Камышину на 20–30 верст и к Царицыну 30–40 верст; на юго-востоке фронт шел через станцию Житово по большому Царицынскому шляху до Маныча, где он входил в соприкосновение с левым флангом армии Добровольческой. На этом фронте Дон располагал 52 тысячами против 100 с лишним тысяч войск советского Южного фронта.

Задача, данная армии донским командованием, заключалась в обороне на юго-востоке и овладении важнейшими железнодорожными магистралями путем занятия станций Лиски – Поворино – Елань – Камышин – Царицын.

Затихшие было в октябре военные действия на воронежском направлении в начале ноября возобновились с новой силой, начавшись блестящим делом генерала Гусельщикова в районе Таловой и развившись затем в большую операцию, завершившуюся поражением 8-й советской армии и занятием донцами линии Лиски – Таловая – Новохоперск. В районе Луганска небольшой отряд Молодой Донской армии стоял прочно и отбивал все атаки противника.

В середине ноября усилившиеся советские армии вновь перешли в наступление, нанося концентрический удар на воронежском направлении и с северо-востока на фронт Урюпинская – Усть-Медведицкая. 9-я советская армия имела вначале успех, проникнув глубоко в Хоперский округ, но благодаря подошедшему к донцам с Царицынского и Воронежского фронтов подкреплению была опрокинута, и донские полки, преследуя ее, доходили до Елани и Камышина. Это наступление, прервав железнодорожную связь между Повориным и Царицыным, поставило в критическое положение советскую 10-ю армию, вследствие прекращения навигации по Волге оставшуюся без подвоза. Точно так же успешно отражались все настойчивые атаки красных на царицынском направлении, и войска генерала Мамонтова, с конца ноября сами перейдя в наступление, к 5 января подошли вплотную к городу Царицыну на линию Сарепта – Воропоново – Гумрак.

Весь ноябрь и декабрь на огромном фронте от Луганска до Царицына, от Царицына до Маныча в мороз и стужу, поставив в строй поголовно всех казаков, способных носить ору-

жие, изнемогая от потерь и лишений, Дон доблестно отстаивал свое существование против вдвое сильнейшего врага. Донская армия неизменно одерживала верх, брала тысячи пленных и богатую военную добычу. По существу стратегически победа была уже на стороне донцов: зимняя операция красных расстроилась, потеряла свой планомерный характер и продолжалась лишь по инерции, без внутренней идейной связи.

Но в Гражданской войне моральный элемент более, чем где бы то ни было, властвует над всеми прочими слагаемыми успеха. То, что было выиграно в течение многих месяцев моральным подъемом и оружием, в один миг было потеряно упадком духа. В казачьем настроении опять наступил перелом, который умело использовала советская пропаганда. Наиболее чувствительным ее аргументом были обещания Советской власти сохранить казачий уклад и уверения в тщетности надежд на иностранную помощь, о которой так часто и неосторожно говорил атаман колеблющемуся фронту.

Уже в ноябре, невзирая на успехи, в армии чувствовалась некоторая моральная неустойчивость. В конце декабря сначала один донской полк предался на сторону красных, потом несколько станиц, и войска Верхне-Донского округа заключили мир с большевиками и начали расходиться по домам. Пораженческое настроение ширилось по фронту, и одновременно ширились прорывы, в которые беспрепятственно вливались волны красных, выходя в тыл и угрожая окружением еще боровшимся войскам Хоперского округа.

В то же время большевики напрягали большие усилия, посылая для вразумления войск 8-й и 9-й армий карательные отряды, усилив Южный фронт четырьмя новыми дивизиями и направив из Харькова на линию Бахмут – Луганск армейскую группу Кожевникова.

И к концу января Донская армия на Северном и Северо-Восточном фронте отхлынула за Дон. «Прекрасно вооруженные, снабженные пулеметами и пушками отряды наши, – говорил атаман Краснов на Круге,¹ – уходят без боя в глубь страны, оставляя хутора и станицы на поругание врагу. Теперь сдаются на милость красной сволочи целыми сотнями и с нею вместе идут избивать своих отцов и братьев. Теперь арестовывают офицеров и старших начальников, выдают их на расстрел красным и тем подрывают в них веру в казаков и лишают их необходимого мужества...»

Чем же объяснялся такой резкий перелом в настроении казачества и такой глубокий, ничем не оправдываемый развал армии?

Общество, армия, Круг искали прежде всего «виновных». Их назвал Круг, собравшийся в феврале, осудил и удалил. Виновными сочтены были – командующий Донской армией и начальник штаба ее, генералы Денисов и Поляков. Круг поставил им в вину, косвенно и атаману, «недостаточную осведомленность о фронте... легковесную самоуверенность... трения с Добровольческой армией... убеждение в период успехов, что справятся собственными силами, и делить победу с кем бы то ни было не хотелось... оповещение фронта о скором прибытии (неприбывшей) союзной помощи...» Наконец, непосещение фронта командующим, «невнимание к нуждам фронта, злоупотребление реквизициями, особенно в Южной армии» и т. д. и т. д.² Генерал Денисов указывал причины иные: 1) утомление казачества, 2) гибель веры в союзников, 3) возрастание сил противника, 4) лютая зима при недостатке одежды и теплых вещей, 5) агитация большевиков, 6) агитация «общественных деятелей» против атамана и против командующего, 7) развал тыла.³ В сущности обе стороны в своих обвинениях исследовали только нездоровую почву, на которой могло произрасти то явление чисто психологического характера, которое Краснов и Денисов определяли согласно «заболеванием фронта большевизмом». Определение, верное только в отношении

---

¹ стенограмма заседания Круга 1 февраля 1919 года

² краткое сообщение о заседании 1–8 февраля 19 года

³ отчет о вечернем закрытом заседании Круга 1 февраля

симптомов той болезни, которая поражала временами не одно донское, но и другие казачества, русскую интеллигенцию и русский народ. Болезни *воли и духа*. Ибо донское казачество, органически чуждое коммунистическому укладу, приняв внешние формы и даже практику большевизма, как личину, как средство кого-то провести и от кого-то спастись, на другой же день вступало с ним в глухую борьбу всем своим нутром, всем бытовым укладом, в свою очередь встречая со стороны Советской власти полное недоверие и прямое посягательство на жизнь казачью, быт и достояние.

Эта двойственность казачьих настроений чрезвычайно ярко проявилась в красочной истории донского казака, войскового старшины *Миронова*. Демагог и честолюбец, мечтавший об атаманском перначе, он с самого начала Гражданской войны поступил на службу к большевикам и, командуя бригадой, потом дивизией, дрался весьма усердно на их Донском фронте. Но после большевистского вторжения на Дон в начале 1919 года зверства большевиков пробудили совесть в нем и в его казаках. Миронов стал на защиту разоряемых станиц, был обвинен в демагогии и отправлен на Западный фронт. Летом, однако, ввиду тяжелого положения на юге его переводят обратно на Донской фронт и ставят во главе вновь сформированного Донского корпуса, ядром которого служили казаки северных округов. В августе Миронов поднял восстание, к которому примкнули несколько донских советских полков. В приказе-воззвании от 9 августа он говорил казакам:

«...Что остается делать казаку, объявленному вне закона и подлежащему беспощадному истреблению? Только умирать с ожесточением.

Что остается делать казаку, когда он знает, что его хата передана другому, его хозяйство захватывается чужими людьми, а скотина выгнана в степь в загон? Только сжигать свои станицы и хутора. Таким образом, в лице всего казачества мы видим жестоких мстителей коммунистам за поруганную справедливость, что в связи с общим недовольством трудящегося крестьянства России, вызванным коммунистами, грозит окончательной гибелью революционным завоеваниям и новым тяжким рабством народу. Чтобы спасти революционные завоевания, остается единственный путь – свалить партию коммунистов».

Восстание было подавлено в несколько дней полуказачьими войсками Буденного. Миронов и его соучастники были преданы суду и приговорены к смертной казни. Но все они «выразили чистосердечное раскаяние» и просили взять их опять на службу в Красную армию... Миронова большевики помиловали, и в 20-м году мы видим его вновь командующим 2-й конной армией, сражавшейся против крымских войск генерала Врангеля. Зимой 1921 года он снова принимает участие в организации восстания в Донской области и, не будучи более нужен большевикам, использовавшим его популярность до конца, предается снова суду и кончает свою жизнь под расстрелом.

Взаимоотношения наши с донской властью с мая и до конца 1918 года определялись непримиримой позицией генерала Краснова в вопросе *обединения командований*.

Если огромный вред, приносимый отсутствием общего плана и разрозненностью действий белых армий во всероссийском масштабе (Север, Восток, Юг и Запад), не всеми сознавался достаточно отчетливо, то на общем по существу доно-кавказском театре эти тягчайшие нарушения основ военного искусства сказывались ясно и разительно на каждом шагу. Вопрос этот раздирал Юг, отражаясь крайне неблагоприятно на ведении военных операций, вовлекая в борьбу вокруг него общественность, печать, офицерство, политические организации, даже правительство Согласия. Генерал Краснов суживает теперь весь этот вопрос больного прошлого до размеров «екатеринодарской интриги» и «борьбы Краснова с Деникиным», которого он «не хотел признать», отрицательно относясь к его личным качествам, как государственного деятеля и стратега... Наши взаимные характеристики могут быть несколько пристрастными. Но ясно одно: личная незаинтересованность и государственные побуждения донского атамана в этом вопросе теряют значительно свою цену, если принять

во внимание, что одним из «наиболее желательных вождей для объединенного командования» он называл... генерала Н. И. Иванова,⁴ на котором – по его же, Краснова, словам – отозвались «пережитые потрясения и немолодые уже годы и несколько расстроили его умственные способности...»

Отбросим личности. За ними стояло явление несравненно более крупного масштаба: вопрос шел о признании военного центра в борьбе Юга: «Дон» или «Добровольческая армия»? В глазах огромного большинства русской общественности первый представлялся началом областным, вторая – общегосударственным; в глазах правительств и командования держав Согласия Дон был недавним союзником – пусть даже невольным – немцев, а Добровольческая армия «сохранила верность Согласию до конца». Эти две предпосылки имели решающее значение в спорном вопросе.

Были, очевидно, объективные причины – не только «интриги Екатеринодара», которые задолго до образования мощной организации – Вооруженных Сил Юга – привлекали в орбиту Добровольческой армии спутников из самых отдаленных краев разваленной России. Мы видели стремление к объединению с нами Волжской армии Чечека и даже армии Учредительного собрания... К нам тянулись Псковская армия, балтийские отряды и Терек. Крым просил о присылке добровольческих войск... Подложный приказ от имени главнокомандующего Добровольческой армии о подчинении ему украинских войск достаточно выяснил отношение к нам русской общественности и офицерства Украины... Уральское войско сообщало, что «ожидает с большим нетерпением» подхода к Волге Добровольческой армии, «имея желание в общих интересах объединиться с нами».⁵ Оренбургский атаман Дутов писал мне:⁶ «...Наше войско сепаратических стремлений не имеет и борется за всю Россию. На вашу армию мы возлагаем большие надежды и полагаем, что только вы и решите окончательно судьбу России. Ваша армия находится на юге и имеет все под рукой. В ваших руках уголь, железо, нефть, лучшие пути сообщения, сравнительно короткое расстояние до Москвы. Кроме того, вы имеете возможность, владея Черным морем, получить всевозможные пополнения и припасы...»

Расходясь, подчас серьезно, в вопросах государственного устройства, с большим единодушием относилась к военному верховенству Добровольческой армии и организованная русская общественность (кроме крайней правой) до «Союза возрождения» включительно. Даже весьма демократический «Съезд земских и городских самоуправлений Юга»,⁷ представленный такими столпами революционной демократии, как Руднев, Гоц, Вишняк, Гвоздев и другие, возлагал на Добровольческую армию «ответственную роль служить на Юге России ядром для воссоздания российской народной армии...»

Только самостийные круги смотрели иначе... «Меморандум четырех государственных образований»,⁸ представленный французскому командованию, отрицал самую идею необходимости *единства армии*, допуская лишь создание «общего генерального штаба для руководства всеми операциями на основе соглашения государственных новообразований... Защита своего дома, своего очага, своей семьи, своего народа – таковы должны быть лозунги, к которым следует апеллировать для искоренения большевизма...» Составитель «меморандума» Марголин рассказывает, что «настроение у всех (собравшихся для обсуждения этого „акта“) было торжественное»; и единственный военный представитель совещания, внесший

---

⁴ письмо к генералу Франше д'Эспере 6 ноября 1918 г.

⁵ 16 октября 18 г. № 200 и письмо от января 19 г.

⁶ 11 января 19 г. № 1328

⁷ Симферополь, 30 ноября – 8 декабря 18 г. Резолюция

⁸ «Меморандум» Дона, Кубани, Украины и Белоруссии, подписанный Черячукиным, Бычом, Марголиным, Галипом, Бохановичем 5 февраля 19 г. в Одессе

сей новый вклад в военную науку, донской генерал Черячукин «осенил себя даже крестным знаменем перед подписанием...»⁹

Молил, должно быть, у Господа прощения...

В этом отношении соединенное заседание Донской законодательной комиссии и кубанских делегатов выказало большую широту взглядов. Требуя автономности Донской и Кубанской армий, оно считало, однако, необходимым «скорейшее подчинение Донской, Кубанской, Добровольческой и других армий... в пределах России единому командованию» и допускало возможность борьбы с большевизмом, «выходящей за пределы охраны Донской и Кубанской области».

Интересно, что такая же борьба за единство командования, вызванная мотивами другого рода – боязнь бонапартизма, велась и в Советской России между Бронштейном, проникшимся идеями «военспецов», с одной стороны, и большинством Коммунистической партии – с другой. Только после поражений, понесенных большевиками на Востоке и Юге летом 1918 года, Советская власть создала Революционный военный совет республики¹⁰ с единым главнокомандующим (Вацетис, потом Каменев) на всех фронтах. Это единство командования, по словам Бронштейна,¹¹ спасло Красную армию, дав, наконец, возможность переброски, сосредоточения и вообще использования центрального положения армии для действия по внутренним операционным линиям. «Только после установления общего оперативного руководства и строгого исполнения боевых приказов, идущего сверху вниз, все почувствовали на деле... огромное преимущество централизованной армии над партизанством и кустарничеством».

В вопросе единого командования, и притом возглавляемого главнокомандующим Добровольческой армией, сошлись и союзные представители.

В начале ноября вернулся из Румынии командированный туда донским атаманом за снабжением генерал барон Майдель и представил доклад:¹²

«... с 2 по 12 ноября (нового стиля) я находился в полном контакте с представителями Согласия... Меня уполномочили уведомить: а) что Согласие верит лояльности Дона, но требует полного объединения командования всей русской армии в лице генерала Деникина; б) генерал Краснов скомпрометирован все-таки своей деятельностью, письмом Вильгельму и речами на Круге... Поэтому, если общественное мнение, генерал Деникин и Вы¹³ укажете, что Краснов, согласившись на полное подчинение главнокомандующему генералу Деникину, может остаться, то пусть остается; а если нет, желательно, чтобы он добровольно ушел; в) если объединение произойдет, и Дон войдет в русскую армию, то союзники обеспечивают помощь войсками, деньгами, всем. Мои требовательные ведомости (на снабжение) вручены румынам при вербальной ноте послов Согласия...»

6 ноября донской атаман, очевидно, встревоженный этими сведениями, послал в Яссы и Бухарест посольство в составе генералов Сазонова и Янова и дипломатического чиновника Карасева. Посольству вменено было в обязанность, кроме проверки доклада Майделя, ознакомить союзников с положением Дона, убедить их в неприемлемости подчинения мне Донской армии, указать наиболее желательных вождей для объединенного командования на Юге (генералы Н. И. Иванов и Щербачев) и просить непосредственной помощи – боевым снабжением, деньгами и войсками.

---

⁹ Украина и политика Антанты.

¹⁰ учрежден 2 сентября 18 г. Объединение органов снабжения произошло значительно позже – декретом 9 июля 19 г.

¹¹ из доклада 24 февраля 19 г.

¹² выдержки из доклада генералу Богаевскому от 4 ноября 19 г.

¹³ то есть генерал Богаевский

Донское посольство, посетив генерала Бертело, русского посланника Поклевского-Козелл и генерала Щербачева, выяснило, что вопрос об едином командовании решен окончательно в пользу главнокомандующего Добровольческой армией. Генерал Янов – человек крайне невоздержанный, по природе демагог, ненавистник Добровольческой армии – не жалел красок, чтобы очернить армию и ее командование в глазах союзников, доказывал невозможность подчинения генерала Краснова мне и считал даже уместным «запугивать их (союзников) возможностью соглашения казаков с большевиками, если будут настаивать на подчинении Краснова...»¹⁴

Русская распря произвела тяжелое впечатление и в русских, и в союзных кругах и вызвала отповедь генерала Бертело Янову:

«Нехорошо бросать упрек в сторону родственной нам армии. Вы на первых же порах затрудняете работу союзников своими раздорами... Донская армия многочисленнее Добровольческой? Но если бы у генерала Деникина был даже один солдат, то и тогда симпатии наши будут все-таки на его стороне: он был одним из немногих генералов, который при невероятно трудных условиях остался верным идее союза...»

В результате Бертело остался при первоначальном решении, сообщив его письмом атаману Краснову, а генерал Щербачев категорически отказался участвовать в этой сомнительной игре.

Представители Согласия, прибывшие в Екатеринодар, – Пуль, Эрлих, Фуке – также единодушно поддерживали идею объединения русских армий в лице добровольческого командования. В виде протеста против политики Краснова они ответили отказом на его приглашение посетить Новочеркасск... Пышными речами и приказами население и фронт были уже оповещены широко о союзниках, спешивших на помощь Дону, и отсутствие представителей их наносило большой урон атаманскому престижу. С большим трудом генералу Краснову удалось устроить непосредственным обращением к командовавшему союзными морскими силами в Севастополе адмиралу прибытие двух миноносцев – английского и французского, шедших в Мариуполь за углем, в Таганрог и визит затем их экипажей в Новочеркасск. С большой торжественностью были встречены в Новочеркасске иностранные гости, рекою лилось вино и вдохновенные патриотические речи; но среди них диссонансом для недоброжелателей Добровольческой армии прозвучало ответное слово французского гостя:¹⁵

«... Пусть будет дозволено солдату Франции сказать вам: все достоинства и доблесть не привели бы к положительным результатам, если бы не существовало самого тесного единения между всеми союзными армиями в лице славного маршала Фоша и такого же единого командования на море под славным английским флагом... Благородная и великолепная армия казаков и неустрашимая, героическая Добровольческая армия станут (так же) непобедимыми, тесно соединившись и образовав из себя гранитную скалу, страшную для врагов...»

Ни в вопросах политики, ни в вопросах войны мы не могли понять, какие, собственно, конкретные цели преследует атаман Краснов. Его перо, его слово были полны такими внутренними противоречиями, в них так художественно переплеталась правда с вымыслом, что мы становились в полнейшее недоумение.

8 сентября 1918 года он писал генералу Алексееву:

«Я не думаю о будущем России – это не мое дело – это решит Учредительное собрание, „Земский собор“, вернее – Господь Бог, но я мечтаю об одном – освободить Россию от большевиков...»

А в октябре (без даты, № 02) он писал генералу Драгомирову:

---

¹⁴ доклад К. Карасева от 16 августа 19 г.

¹⁵ из речи капитана Кошена 25 ноября

«Приближается время мирной конференции народов... И думается мне, что время Добровольческой армии, Дону, Украине, Кубани, Грузии и другим свободным от большевистского террора частям России собраться и сговориться... по следующим вопросам:

1. Что будет представлять из себя бывшая Российская империя в политическом отношении (монархию, республику, федерацию, и если федерацию, то какого типа?).

2. Какие части бывшей Российской империи войдут в это новое государственное образование и какие станут вне его (Финляндия, Прибалтийский край, Белоруссия, Польша, Украина, Крым, Закавказье)?

3. Кто поможет объединиться тем частям России, которые не заражены самостийностью?.. Помогут в этом отношении союзники, которые кругом должны нам за 1914, 1915 и 1916 годы, или центральные державы, как соседи?»

Решение в то время вопроса о будущем государственном устройстве России добровольческим командованием, Скоропадским, Красновым, Бычом и Жордания представлялось мне несвоевременным и недостаточно компетентным.¹⁶

«Выдвигать (этот вопрос) на первый план теперь же, – отвечал генерал Драгомиров,¹⁷ – это значило бы вносить раздор чрезвычайно острого характера в ту минуту, когда для спасения Родины нужно прежде всего единение всех сил... Что же касается „выбора ориентации“, то „является совершенно невозможным, чтобы в ту минуту, когда союзники наши со дня на день могут прибыть в Новороссийск и пожелают опереться на Добровольческую армию, последняя стала бы на путь колебания – на кого опираться“».

А еще через 2–3 дня глава донского правительства по поручению атамана обратился ко мне с предложением¹⁸ созвать совещание в Екатеринодаре по вопросу об едином представительстве на мирной конференции, на которой, «конечно, должны быть представители настоящей России, желающие ее восстановления в прежних пределах и мощи...»

Я ответил полным согласием, прибавив, что общность наших задач властно требует объединения всего дела внешних сношений и полного взаимодействия всех вооруженных сил путем объединения командования. «Если... исходя из самого искреннего желания найти пути к полному единству, нам удастся сговориться по (этим) кардинальным вопросам, – писал я,¹⁹ – то в недалеком будущем можно было бы выдвинуть на очередь объединение и в тех отраслях государственного устройства, которые донской атаман перечислил в своем письме от 3 сентября. № 679»: ²⁰ финансовых, юстиции, продовольственного дела и торгово-промышленной политики, путей сообщения и телеграфа...

8 ноября²¹ генерал Драгомиров вызвал в Екатеринодар представителей Дона на совещание по следующим вопросам:

«Первое – единое представительство на предстоящем мирном конгрессе, второе – объединение командования всеми Вооруженными Силами Юго-Восточной России в оперативном отношении и вместе с этим объединение всего дела военного снабжения всех фронтов этого района в руках главного начальника снабжения Добровольческой армии, в распоряжение которого от союзников в ближайшее время поступят громадные запасы».

---

¹⁶ любопытно, что 18 декабря генерал Краснов по аналогичному поводу писал кубанскому депутату Макаренко: «Будущая Россия – федеративное или унитарное государство – праздный вопрос... Гадание о будущем явится лишь пустыми разговорами, для чего у меня нет ни свободных людей, ни времени»

¹⁷ 13 октября. № 149

¹⁸ письмо 12 октября 18 г. № 1145

¹⁹ письмо генералу Богаевскому 25 октября 18 г. № 318

²⁰ письмо генералу Алексееву

²¹ телеграмма № 517

Совещание под председательством генерала Драгомирова состоялось 13 ноября.²² Вопрос о представительстве на мирном конгрессе был разрешен легко возложением миссии персонально на бывшего министра иностранных дел Сазонова «с тем, чтобы в состав технических советников делегации вошел бы представитель от Дона». Прочие вопросы были донцами сорваны. Генерал Поляков от имени донского атамана заявил, что «для осуществления единого фронта и единого командования Дон может дать гвардейскую стрелковую бригаду (не казачью), конную казачью дивизию, 4–6 броневых поездов, 4 броневые машины и... Южную армию».²³ И то только при условии движения Добровольческой армии на север. Донская же армия оставалась вне подчинения. Такую постановку вопроса генерал Лукомский назвал «с военной точки зрения, безграмотной», а генерал Драгомиров – «насмешкой над идеей единого командования».²⁴ Она находилась, однако, в полном соответствии с теми взглядами, которые атаман внушал Войску относительно будущего характера борьбы: казаки скоро отдохнут от трудов бранных, а их сменят на севере Народная и Добровольческая армии... Внушение – психологически опасное для стойкости Донского фронта и производившее тягостное впечатление на добровольчество, разрушая идею общей борьбы за Россию.

Замечательно, что по возвращении в Новочеркасск генерал Поляков по поручению атамана, чтобы сгладить впечатление от совещания, тотчас же вызвал к аппарату донского посла в Екатеринодаре генерала Смагина и приказал ему передать союзным представителям, что атаман не отказывается от единого командования, но ставит, между прочим, «непременным условием, чтобы армия имела определенную борьбу против большевиков (?) и чтобы Войско Донское сохранило свою самостоятельность до образования единой России».²⁵ Первое глубоко оскорбило нас и вызвало горячий письменный протест генерала Драгомирова, второе письмо удивляло, так как вопрос шел только об армии, а о Войске (области) ни на совещании, ни в разговорах с союзниками не поднимался вовсе.

Из Новочеркаска обильно текли письма, речи, заявления, в которых крупница правды была переплетена с вымыслом.

Донской фронт начинал морально колебаться и ввиду закрытия границ с Украиной терпел крайнюю нужду в снабжении...²⁶

Генерал Краснов писал горячие послания союзным представителям, прося о помощи, без которой считал невозможным дальнейшее сопротивление Дона, и в то же время заявлял горделиво полковнику Кизу: «Передайте генералу Пулю, что я являюсь выборным главою свободного пятимиллионного народа, который для себя ни в чем не нуждается. Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуниция – он имеет все свое и он убрал от себя большевиков. Завтра он заключит мир с большевиками и будет жить отлично (!). Но нам нужно спасти Россию, и вот для этого-то нам нужна помощь союзников...»²⁷

Я требовал нормального подчинения армий, чтобы иметь возможность дивизии и корпуса Донской, как и Добровольческой, армии перебрасывать на тот фронт, где это вызывается стратегической обстановкой... В художественном переложении атамана это требование преподносится казачеству в таком виде: «...полное подчинение вооруженных сил Дона с полу-

---

²² участники со стороны Добровольческой армии: генералы Драгомиров, Лукомский, Санников, Романовский, Тихмеев, Сазонов и Нератов. Со стороны Дона: генералы Поляков, Греков и Свечин

²³ разлагающаяся организация

²⁴ из протокола заседания

²⁵ копия ленты разговора Смагина и Полякова

²⁶ 21 октября атаман Краснов писал генералу Лукомскому: «У меня (в армии) две трети не имеют сносных сапог, одна треть совсем не имеет сапог, обута в лапти, даже офицеры. Не только полушубков, не только телогреек, но даже шинелей далеко не хватает. Патронов осталось только 13 миллионов. А война идет страшно жестокая».

²⁷ со слов генерала Краснова. – Всевеликое войско Донское // Архив русской революции. Т. 5.

чением конницы казачьей с фронта и перемешиванием казачьих частей с частями добровольческими, иными словами: нарушение образа служения войска, толикою славою покрытого».

Замечательно, что в то же время генерал Краснов, не боясь перемешивания, настойчиво просил о переброске добровольческих частей на Донской фронт, справедливо видя в этом единственное спасение Дона.

«Общерусские» войска были желательным гостем в противоположность «общерусским учреждениям»... 9 января 1919 года (№ 092) по поводу размещения в Ростове отдела пропаганды атаман Краснов писал генералу Драгомирову: «На земле Войска Донского не может и не должно помещаться ни одно из учреждений общерусских. Это требование автономии Войска...»

«...Старшие начальники и офицеры, – говорил он генералу Щербачеву и внушал, без сомнения, эту мысль армии, – будут бояться, что от них отнимут все высшие командные должности и заменят их лицами, угодными Деникину, и не казаками, и это может вызвать упадок их энергии в решительные минуты борьбы...»²⁸

Я добивался сосредоточения всего военного снабжения в одних руках для правильного распределения снабжения, доставляемого союзниками, для учета и регулирования потребности фронтов в хлебе и стратегических железнодорожных линий – в нефти и угле. Это мое требование, проявившееся реально в снабжении Дона английскими запасами и в довольствии края и армии кубанским и ставропольским хлебом, в стилизованном изложении атамана формулируется словами: «Снабжение, находящиеся в распоряжении Войска Донского хлеб и уголь передаются в распоряжение Добровольческой армии (?), выгоды и угодия (Войска), утвержденные грамотами императрицы Екатерины Великой, от него отходят».

Я писал Богаевскому о желательности объединения некоторых отраслей государственного управления, предложенного некогда самим генералом Красновым, это предложение превращалось в «полное подчинение всего Войска Донского с его населением и армией генералу Деникину...» Мои помощники, ведущие непосредственно переписку с атаманом, нервничали и положительно терялись от изумительных оборотов в посланиях атамана, извращавших самую элементарную сущность всяких вопросов.

Атмосфера между тем сгущалась все более и более. Ширился круг лиц, принимавших участие во взаимной расправе военачальников, осложняя своим вмешательством и без того тяжелое положение. Печать принимала все более резкий, нервный тон. Атаманский официоз «Часовой» возбуждал казачество против Добровольческой армии... Кубанские самостоятельные органы, сохраняя в отношении генерала Краснова «вооруженный нейтралитет», травили меня и Добровольческую армию... Все екатеринодарские «российские» газеты, не исключая и социалистических, и кубанские – «линейные» – травили атамана Краснова... И атаман жаловался на них моему представителю в Новочеркасске, принимал у себя, на Дону, ряд драконовских цензурных мер в отношении екатеринодарской прессы и относил все это всецело к работе своих недругов – Харламова, Парамонова, Сидорина и других, «под крылом добровольческого командования ведущих кампанию против него...» Председатель «Особого совещания» генерал Драгомиров, поставленный в очень щекотливое положение в отношении поддерживавшей армию печати, писал редакциям письма, прося их воздержаться от выступлений против донского командования и «использовать (свое) влияние для упрочения хороших отношений с Доном, начало которых уже положено...»²⁹

---

²⁸ Я должен заметить, что эти мысли не прививались донскому офицерству, и отношение его к Добровольческой армии и ко мне оставалось доброжелательным.

²⁹ Циркуляр 14 декабря 18 г. № 1161.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.